

RU

Повесть И. С. Тургенева «Первая любовь»: на границах идиллии

Анисимова А. Н., Ефремова Ю. И.

Аннотация. Статья посвящена анализу повести И. С. Тургенева «Первая любовь» (1860), которая прежде не подвергалась детальному филологическому разбору. Цель исследования – выявление пограничных явлений идиллического дискурса и его специфики. Научная новизна работы заключается в рассмотрении границ идиллического на примере анализа образов, хронотопа и системы мотивов в данной повести. Полученные результаты показали, что в произведении И. С. Тургенева, на первый взгляд, присутствуют все виды идиллии – и сельская, и семейная, и любовная, но они представлены только на уровне признаков жанровой содержательности (прекрасная природа, юношеская пора, первая любовь). Повесть представляет собой воспоминание, рефлексии, обращение к «золотому веку» молодости героя, его первой влюбленности, тем самым демонстрируя черты элегичности. Через призму идиллических образов, мотивов и деталей хронотопа просвечивает их квазизначимость. Семантические знаки (сад, липы, аллеи) выполняют функцию замещения неразделенной любви. Детали “locus amoenus” являются лишь символами, связывающими произведение автора с идиллической традицией, а на самом деле только отталкиваются от ожиданий читателя и демонстрируют противоположное идиллическому мировосприятие.

EN

Ivan Turgenev’s novella “First Love”: On the borders of idyll

A. N. Anisimova, Y. I. Efremova

Abstract. The paper is dedicated to analysing Ivan Turgenev’s novella “First Love” (1860), which has not undergone detailed philological scrutiny before. The research aims to identify the border phenomena of the idyllic discourse and its specificity. The scientific novelty of the paper lies in examining the boundaries of the idyllic through the analysis of characters, chronotopes, and the motif system in the novella. The research findings revealed that in Turgenev’s work, all types of idyll – rural, familial, and romantic – are seemingly present, but they are only represented at the level of genre-specific features (beautiful nature, youthful age, first love). The novella represents a recollection, reflection, a turn to the “golden age” of the hero’s youth, his first infatuation, thus demonstrating elegiac traits. Through the lens of idyllic images, motifs, and details of the chronotope, their quasi-significance is seen. Semantic signs (the garden, linden trees, alleys) serve as substitutes for unrequited love. Details of “locus amoenus” are merely symbols linking the author’s work to the idyllic tradition, but in reality, they deviate from reader expectations and demonstrate the opposite of an idyllic world perception.

Введение

Актуальность работы заключается в том, что, несмотря на устойчивый интерес к изучению идиллического и идиллии, статус этого литературного явления остается по-прежнему дискуссионным. Сохраняются нерешенные вопросы в определении жанровых границ идиллии и идиллического, что связано с отсутствием общей жанровой теории и с меняющимися представлениями о жанровом каноне.

В связи с поставленной целью необходимо решить следующие задачи: исследовать особенности идиллического начала образов, хронотопа повести И. С. Тургенева «Первая любовь»; рассмотреть систему пасторальных мотивов произведения.

Объектом нашего исследования является идиллический дискурс, предметом – образы, хронотоп и мотивы повести И. С. Тургенева «Первая любовь».

В работе были использованы следующие методы исследования: историко-генетический (при выявлении связей повести Тургенева с современной ему действительностью) и структурно-типологический (при анализе пространственно-временной организации), а также сравнительно-исторический (при сравнении с произведениями других писателей).

Идиллический дискурс в работе рассматривается на материале повести И. С. Тургенева: Тургенев И. С. Первая любовь: сборник. М.: АСТ, 2021.

Теоретическую базу составляет ряд фундаментальных исследовательских работ в области истории и теории литературы, посвященных жанру идиллии и категории идиллического (Аверинцев, 1996; Есаулов, 1990; Зыкова, 1999; Саськова, 2000). Так, И. С. Абрамовская (2000) рассматривает русскую идиллию во взаимодействии с такими жанрами, как ода, элегия, послание, повесть и поэма, делая акцент на отражении в ней аспектов российского быта и менталитета. А. И. Батюто (1990) подробно изучает эстетические, этические и художественные позиции писателя, творческие истории его произведений, а также спектр критических оценок. Анализируя тургеневский мотив любви, М. А. Бороздина (2021) указывает на скоротечность любовных переживаний героев, которые завершаются, едва начавшись. М. В. Глазкова (2008) рассматривает различные виды усадебного мира в произведениях И. С. Тургенева, вычлняя три этапа его развития – от идиллически замкнутого через приносящий прибыль к вырождающемуся. А. А. Фурман (2023) определяет основные этапы развития дачного хронотопа в русской литературе XIX–XXI вв., обращаясь к творчеству И. С. Тургенева, М. Горького и Е. Г. Водолазкина. Е. А. Ерохина (2020) предлагает выделить повести И. С. Тургенева, в которых описывается жизнь в усадьбе, в самостоятельный жанр. М. В. Половнева (2002) осуществляет анализ поэтики тургеневских повестей 1850-х годов, в частности сюжетно-композиционной структуры произведений, художественного времени и пространства, а также функций предметного мира.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее материалы могут быть применены при изучении творчества И. С. Тургенева в вузе и школе.

Обсуждение и результаты

Повествование в произведении И. С. Тургенева «Первая любовь» ведется от первого лица и представляет собой дневниковые воспоминания рассказчика о своей юношеской любви, о которой он пишет спустя двадцать лет, будучи холостяком. Главные действующие лица – выросший в барском степенном доме шестнадцатилетний Владимир, который проводит лето 1833 года с семьей на даче, Зинаида – двадцатиоднолетняя обедневшая княжна, снимающая с матерью флигель в доме семьи Владимира, влюбленного в нее, а также отец главного героя Петр Васильевич, тайный любовник Зинаиды. Второстепенными героями являются мать Владимира, мать девушки, слуги и компания мужчин, ухаживающих за главной героиней.

Из основных действующих лиц только образ Владимира организуется при помощи доминирующей идиллической категории, категории наивного. Все остальные под категорию идиллического не подпадают, несмотря на то что они ведут размеренный образ жизни в сельской усадьбе и представляют класс обедневшего дворянства. Владимир идеализирует все чувства, особенно любовь. Встреча с Зинаидой полностью меняет его мир, он забрасывает обучение, часто тонет в своих мечтах о возлюбленной и гуляет по окрестностям. Несмотря на то, что Владимир упоминает сад, типичные элементы прекрасной природы – *“locus amoenus”* – выступают как знаки идиллических топосов – сад, пруд, липы, соловей, скамейка в саду, калитка сада. Этого героя автор часто сравнивает с ребенком (Тургенев, 2021, с. 312), что связано и с его юным возрастом, и с непосредственностью восприятия им мира («Где еда и дети, там идиллия» (Бахтин, 1986, с. 373)), однако, в отличие от героев идиллии, Владимиром владеют сильные антиидиллические чувства – испуг (Тургенев, 2021, с. 308), гадливость (Тургенев, 2021, с. 310), ревность (Тургенев, 2021, с. 313). Владимир испытывает ненависть к воронам, «хищным и лукавым птицам» (Тургенев, 2021, с. 307), на которых он охотится с ружьем.

Чувства Петра Васильевича противоречивы – с одной стороны, он испытывает к Зинаиде любовь, но она не ровная, счастливая – а страстная, греховная, с элементами садизма, граничащая с безумием, и не может считаться идиллической. Антиидиллическим является и образ Марии Николаевны, матери Владимира, которая была старше мужа на 10 лет и на которой он женился по расчету. Мария Николаевна была ревнива, судила о людях по меркам своего круга. При создании этого образа И. С. Тургенев не ориентировался на придание ему черт георгики, поскольку, будучи хозяйкой деревенской усадьбы, она не интересуется ее бытом, не принимает участие в его организации, как это делают обычно рачительные барыни.

Наиболее ярко оппозиция идиллического и антиидиллического проявляется в поступках и чувствах Зинаиды. Она красива (Тургенев, 2021, с. 307), юна, у нее невинная (в восприятии Владимира) шея (Тургенев, 2021, с. 312) и «стройный стан» (Тургенев, 2021, с. 307), она просто одета – в «темненькое», поношенное платье с передником (Тургенев, 2021, с. 312). Однако княжна далеко не наивна, у нее «умный» глаз, она «иронически» (черта, не свойственная героям идиллии) смотрит на героя, открыто манипулирует влюбленными в нее кавалерами (Тургенев, 2021, с. 319), проявляет, вместо радости и умиления, равнодушие к котенку, подаренному ей поклонником (Тургенев, 2021, с. 314). С Зинаидой И. С. Тургенев связывает промежуточный – пограничный – между черным и белым ахроматический серый цвет, ассоциирующийся с безразличием, бедностью, смиренностью. У Зинаиды «огромные серые глаза» (Тургенев, 2021, с. 307), она бьет своих поклонников по лбу «небольшими серыми цветками» (Тургенев, 2021, с. 307), мать Зинаиды пишет письмо на «серой бумаге» (Тургенев, 2021, с. 308). Серый цвет означал с античных времен телесную смерть (Riedel, 1983, S. 189) – героиня умирает в родах (Тургенев, 2021, с. 364).

Первая встреча Владимира с княжной может восприниматься как пародия на знакомство Вертера и Лотты из романа И. В. Гете «Страдания юного Вертера». Одежда Зинаиды, как и Шарлотты, выдержана в белых

и розовых тонах – у героини И. С. Тургенева розовое платье и белая косынка, у героини И. В. Гете – белое платье с розовыми бантами. Шарлотта, как героиня идиллическая, показана в окружении детей – своих братьев и сестер, которым она отрезает куски хлеба на ужин («В прихожей шестеро детей от одиннадцати до двух лет окружили стройную, среднего роста девушку в простеньком белом платье с розовыми бантами на груди и на рукавах» (Гете И. В. Страдания юного Вертера / отв. ред. Р. Ю. Данилевский. СПб.: Наука, 2001, с. 29)), Зинаида же дана в обществе четырех поклонников, которых бьет лопающимися серыми цветками по лбу.

Казалось бы, герои повести И. С. Тургенева заняты идиллическими видами деятельности – играют в настольные игры, гуляют, поют, кто-то мотает шерсть, тем не менее они представлены как антагонисты Владимира. Отец главного героя обманывает его, вступая в связь с возлюбленной сына, как лжет ему и Зинаида. По принципу контраста И. С. Тургенев изображает кокетливую надменную княжну, ее обедневшую, с отсутствием светских манер мать, эгоистичных высокомерных родителей главного героя и наивного шестнадцатилетнего Владимира.

Любовь как основной вид занятия в идиллии представлена в повести двояко. С одной стороны, чувства Владимира искренни и наивны, любовь же, которую испытывает Зинаида к отцу Владимира, имеет мазохистские черты (даже когда тот бьет ее хлыстом по руке, она тем не менее целует заалевший на ней рубец). Смерть Зинаиды становится логическим итогом развития этого образа.

Кроме Владимира и Петра Васильевича в Зинаиду влюблены еще четверо молодых мужчины: гусар Белозоров, граф Малевский, доктор Лушин и поэт Майданов. Для каждого из них Зинаида является воплощением юности, красоты и обладает неодолимой влекущей силой. Зинаиде эти мужчины нужны только для удовлетворения собственной гордыни, и данное чувство не позволяет характеризовать эту героиню как идиллическую. В ее образе сосуществуют искусственность и простота, хитрость и беспечность, нежность и страстность, что дает возможность воспринимать ее как образ пограничный.

Типичным топосом для жанра идиллии (георгики) является усадьба: пустые аллеи, сады, заросли малины и бузины. В повести И. С. Тургенева «Первая любовь» основной локус – это съемная дача, он характеризуется временностью пребывания в нем, в отличие от усадьбы с ее знакомыми с детства садом, прудом, липовыми аллеями. Казалось бы, и усадьбу, и дачу характеризуют одни и те же компоненты “*locus amoenus*”, но различны мотивы, связанные с ними, указывающие «на ту пропасть, которая лежит между миром высоких чувств, глубоким переживанием, искренних эмоций и душевных порывов и миром обидным и приземленным, прагматичным и поверхностным» (Старыгина, 2015, с. 110). Традиционная для идиллического дискурса оппозиция «город – деревня», «природа – цивилизация» переносится И. С. Тургеневым в плоскость противопоставления топосов дачи и усадьбы, несмотря на кажущееся единство этих пространств. Если в идиллии чаще всего с человеческими пороками и недостатками связывается город, то в повести «Первая любовь» мы сталкиваемся с антиидиллическим изображением съемной дачи, именно здесь происходит адюльтер между женатым отцом Владимира и Зинаидой.

Для идиллического дискурса характерны ласковые проявления четырех стихий: так, главный герой видит свою возлюбленную в розовом платье на фоне зеленой травы, они гуляют по аллеям сада. Стихия воды представлена идиллически – в виде журчащего ручья, глади озера. И. С. Тургенев изображает и грозу, явление явно антиидиллическое, данное состояние природы перекликается с внутренними переживаниями Владимира, накануне испытавшего бурю эмоций от игры в фанты во флигеле Зинаиды и ее матери. Данная сцена может рассматриваться как аллюзия на грозу в романе «Страдания юного Вертера», во время которой Лотта и Вертер переживают объединяющее их чувство восторга, духовного единения, связанное с воспоминанием оды Клопштока «Весеннее празднество», свидетельствующее о родстве их душ. У И. С. Тургенева Владимир переживает бурные страсти во время грозовой ночи (время дня антиидиллическое) в одиночестве: «Я глядел на немое песчаное поле, на темную массу Нескучного сада, на желтоватые фасады далеких зданий, тоже как будто вздрагивавших при каждой слабой вспышке... Я глядел – и не мог оторваться; эти немые молнии, эти сдержанные блистания, казалось, отвечали тем немым и тайным порывам, которые вспыхивали также во мне» (2021, с. 322). Определение «немой» связано с безответностью и обреченностью чувств главного героя – так антиидиллическая бурная страсть вступает в конфликт с концепцией нежной идиллической любви.

В повести И. С. Тургенева стихия огня, как и в идиллии, традиционно представлена ласковым солнцем: «...солнце и ветер тихо играли в ее жидких ветках...» (2021, с. 328); «Солнце только что село: на небе высоко стояли длинные красные облака» (2021, с. 334). Одновременно солнце выступает как стихия разрушающая, уничтожающая – и воск, и снег (Тургенев, 2021, с. 363), и саму жизнь.

Стихия воздуха изображена и в виде легкого ветерка («Ветерок беспокойно содрогался в темных деревьях, и где-то далеко за небосклоном, словно про себя, ворчал гром сердито и глухо» (Тургенев, 2021, с. 322); «Ветер шелестел в листьях деревьев, изредка качая длинную ветку малины над головой Зинаиды» (Тургенев, 2021, с. 330)), и в виде бури, что связано с внутренним беспокойством героя.

К элементам идиллического хронотопа относится перечисление птиц и насекомых. Автор упоминает в тексте жуков, гудевших в воздухе (Тургенев, 2021, с. 341), кузнечиков, трещащих в деревьях (Тургенев, 2021, с. 348), маленьких птичек (Тургенев, 2021, с. 341), воркующих голубей (Тургенев, 2021, с. 330), жужжащих пчел (Тургенев, 2021, с. 330), что перекликается с античными идиллиями Феокрита, который подробнейшим образом описывает деревенскую флору и фауну. Однако довольно странной и явно не совместимой с идиллическими занятиями была привычка Владимира караулить и отстреливать птиц.

Время действия в повести «Первая любовь» – типичное идиллическое – весенне-летний период 1833 года: «Погода стояла чудесная; мы переехали из города девятого мая, в самый Николин день» (Тургенев, 2021, с. 304). Традиционно весна связывается с оживлением природы – именно весной молодой человек знакомится с Зинаидой, переживает зарождающееся чувство к ней: «...я все забыл, я пожирал взором этот стройный стан,

и шейку, и красивые руки, и слегка растрепанные белокурые волосы под белым платочком, и этот полузакрытый умный глаз, и эти ресницы, и нежную щеку под ними...» (Тургенев, 2021, с. 308). В летний период чувства Владимира кристаллизуются, крепнут, он хочет безраздельно обладать прекрасной девушкой, и в это же время года мечты героя рушатся, когда он узнает о тайной связи возлюбленной с его отцом. Лето приносит и блаженство от общения с Зинаидой, и разочарование в своих чувствах, в отце и в предмете своего обожания.

Идиллическими мотивами повести И. С. Тургенева «Первая любовь» являются мотивы любви, смерти, игры и творческого состязания, пения, еды, езды на лошадях, мотив необременительного труда и праздника.

Будучи мотивом динамическим, влияющим на развитие сюжета, мотив любви раскрывается в основных образах Владимира и Зинаиды. С реализацией мотива любви связана поэтика заглавия произведения. Первая любовь оказывается в начале всепоглощающей для Владимира, но затем приводит его к разочарованию. Читатель знакомится с главным героем, когда тот впервые переживает приближение светлого чувства, незнакомо и непонятно ему. Любовь в повести И. С. Тургенева изображается как нечто противоречивое – это не пасторальная гармония на лоне природы – это буря страстей в душе героев – недаром в прощальном письме отец предостерегает Владимира: «...бойся женской любви, бойся этого счастья, этой отравы...» (2021, с. 362). Неопытный юноша то холодеет при мысли, что влюблен, то изнывает в отсутствии предмета любви, но и в ее присутствии легче ему не становится: «Я ревновал, я сознавал свое ничтожество, я глупо дулся и глупо работлепствовал – и все-таки непреодолимая сила влекла меня к ней, и я всякий раз с невольной дрожью счастья переступал порог ее комнаты. Зинаида тотчас же догадалась, что я в нее влюбился, да я и не думал скрываться; она потешалась моей страстью, дурачила, баловала и мучила меня» (Тургенев, 2021, с. 326).

Испытав боль от измены возлюбленной, Владимир до конца своей жизни так и не женился, разочаровавшись в семейных ценностях и утратив доверие к людям. Адюльтер отца и Зинаиды наложил неизгладимый отпечаток на главного героя. Будучи влюбленной в женатого мужчину, княжна выходит замуж за другого, за господина Дольского, и умирает в родах, – так в повести реализуется оппозиция «любовь – смерть». Мысль автора о разрушительных для человека семейных узах без любви доказывает как гибель Зинаиды, так и смерть от сердечного удара Петра Васильевича. Мотив смерти является статическим, не влияя на развитие действия.

В повести И. С. Тургенева присутствуют идиллические мотивы игры и творческого состязания. Гости, посещающие флигель Зинаиды и ее матери, развлекаются игрой в фанты, дурачатся, соревнуюсь: «Мы и на фортепьяно играли, и пели, и танцевали, и представляли цыганский табор» (Тургенев, 2021, с. 321). Победитель имел право поцеловать руку княжны.

В отличие от идиллического мотива пения, который встречается в повести лишь один раз, мотив чтения стихов представлен в произведении более подробно, будучи связанным с разгадкой внутреннего состояния героини – неспроста она просит прочитать Владимира стихотворение А. С. Пушкина «На холмах Грузии» (существует романс на эти стихи Пушкина, и в данном случае их чтение может рассматриваться как вариант пения), лейтмотивом которого является невозможность противиться всепоглощающему чувству любви (Тургенев, 2021, с. 330). Княжна противопоставляет лучший, пусть и не существующий мир, созданный поэзией, миру реальному. Она воспринимает поэтический мир более похожим на правду, чем та действительность, в которой она живет. Для Зинаиды мучительно признать свое поражение перед чувством любви к женатому человеку, которого она так старательно избегала. Читатель становится свидетелем того, как волнительно девушке это признавать, как она не может скрыть свои переживания, а Владимир впервые начинает подозревать, что его избранница полюбила кого-то, но не его.

Мотив праздника появляется впервые в произведении И. С. Тургенева в сцене игры в фанты, а во второй раз праздник пытается организовать поэт Майданов, желая привлечь внимание публики к себе, однако у него это не получается, и праздник для поклонников Зинаиды не состоится. Во время декламации Майдановым его поэмы все присутствующие думают о своем: «Майданов принялся читать нам своего только что отпечатанного “Убийцу”, но я не слушал его. Он выкрикивал нараспев свои четырехстопные ямбы, рифмы чередовались и звенели, как бубенчики, пусто и громко...» (Тургенев, 2021, с. 330). В другой раз Майданов решил развлечь слушателей своей повестью, содержанием которой являлись «могильные склепы, и ангелы с лирами, и говорящие цветы, и несущиеся издали звуки» (Тургенев, 2021, с. 343), что, с одной стороны, может расцениваться как сцена предупреждения о дальнейших событиях «Первой любви», а с другой – как вставная история романтического толка.

Застолье у И. С. Тургенева изображается лишь один раз, когда Зинаида и ее мать приходят знакомиться к семье Владимира: «Княгиня, во время стола, по-прежнему ничем не стеснялась, много ела и хвалила кушанья» (2021, с. 317). Автор показывает нам, что еда в повести не играет сакральной, объединяющей роли и поэтому не описывается. Обратить внимание нужно на то, как герои ведут себя за столом. Мать Зинаиды, княжна Засекина, держалась свободно, как будто забыла про свой титул. Зинаида превосходно разговаривала на французском языке со своим соседом – Петром Васильевичем. Мать Владимира с большим нежеланием отвечала на вопросы княжны, ей не нравились их гости. Владимир же был восхищен Зинаидой и никого вокруг не замечал.

Традиционным занятием обитателей сельских усадеб выступает езда на лошадях, которая является мотивом, нередко встречающимся в идиллиях. В повести И. С. Тургенева мы видим Петра Васильевича, часто уезжающего на прогулку на лошадях. Поехав однажды вместе с отцом, Владимир пережил психологическую травму, которая отразилась на всей его последующей судьбе, – он увидел, как отец бьет Зинаиду хлыстом, а она целует шрам на своей руке.

Обращение И. С. Тургенева к идиллическому дискурсу играет важную роль для понимания взгляда писателя на мир и человека в его произведениях. Диалектичность идиллического начала в повести «Первая

любовь» связана с тем, что признаки жанровой содержательности сигнализируют о том ориентире в читательском восприятии и ожидании, который не находит своего воплощения из-за форм внутренней интенции, присутствующих в тексте и демонстрирующих наличие элегических воспоминаний и сожалений от нереализованного чувства любви, а также элементов трагического, связанных со смертью отца, возлюбленной главного героя, как и с отсутствием у него детей. Два рода представлены как тупиковые ветви, будучи предвестниками декадентской темы распада семьи (например, у Т. Манна в «Будденброках»).

Заключение

В ходе исследования мы пришли к выводу о том, что в повести «Первая любовь» И. С. Тургенев, используя знаковую для идиллического образа категорию наивного, превращает ее в свою противоположность, что приводит к прочтению идиллического текста с точностью до наоборот – помещенные в якобы идиллический топос герои демонстрируют не только идиллические, но в основном антиидиллические черты.

Для повести «Первая любовь» характерна идиллическая отграниченность от истории. Об общественно значимых, как и об исторических событиях, не упоминается, что не удивительно при заявленной автором теме – описания первой любви, которая является основной для идиллического дискурса. Доминирующим в повести выступает топос дачи, однако он наполнен не теми традиционными для георгики занятиями героев, которые связаны с ведением домашнего хозяйства и обустройством быта, демонстрирует отчужденность в семье, отсутствие общих целей и нравственной чистоты. Основные элементы “*locus amoenus*” присутствуют в произведении только своими общими местами в виде сада, липовой аллеи, зарослей малины, утрачивая истинный пасторальный смысл – любовь обращается изменой, безбрачием и смертью, липовые аллеи и усадьба становятся местом адюльтера, физического насилия и душевных мук. Даже традиционные четыре стихии идиллии, упоминаясь, демонстрируют двойственность – это не только ласковое солнце, освежающий ветерок, поросший нежной зеленью лужок, но и палящее, все уничтожающее солнце, гроза и буря.

Основными идиллическими мотивами в повести И. С. Тургенева являются влияющий на развитие сюжета динамический мотив любви, связанный в основном с образами Владимира и Зинаиды, и статические мотивы – пения, праздника, игры, творческого состязания, застолья, прогулок на лошадях, смерти. Ситуация праздника представлена в произведении игрой в фанты и чтением поэмы Майданова, смерть – судьбами Петра Васильевича и Зинаиды. Все перечисленные мотивы хотя и встречаются в идиллиях, но у И. С. Тургенева приобретают квазиидиллическое звучание, не способствуя изображению гармонии человека с природой, окружающим его миром и другими людьми.

Перспективы дальнейшего исследования видятся нам в более детальном изучении пограничных явлений идиллического дискурса в произведениях И. С. Тургенева, поскольку это сможет глубже раскрыть вопрос о своеобразии мировидения, художественного мышления, стиля и творческой манеры писателя.

Источники | References

1. Абрамовская И. С. Русская идиллия (эволюция жанра в прозе конца XVIII – первой половины XIX века): дисс. ... к. филол. н. Великий Новгород, 2000.
2. Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
3. Батюто А. И. Творчество И. С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени. Л.: Наука, 1990.
4. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Худ. лит., 1986.
5. Бороздина М. А. К вопросу об источниках любовного «сюжета» в творчестве И. С. Тургенева // Спасский вестник. 2021. № 28.
6. Глазкова М. В. «Усадебный текст» в русской литературе второй половины XIX века: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. А. Фет: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2008.
7. Ерохина Е. А. Усадебное пространство в повестях И. С. Тургенева 1850-1860-х гг. как ресурс формирования «усадебного мифа» // Казанская наука. 2020. № 2.
8. Есаулов И. А. Идиллия и идиллическое (к развитию типа художественности и жанра) // Проблемы литературных жанров: материалы VI научной межвузовской конференции (г. Томск, 7-9 декабря 1988 г.). Томск: Изд-во Томского университета, 1990.
9. Зыкова Е. П. Пастораль в английской литературе XVIII века: дисс. ... д. филол. н. М.: Наследие, 1999.
10. Половнева М. В. Поэтика тургеневской повести 1850-х годов (к проблеме межтекстовой целостности): автореф. дисс. ... к. филол. н. Орел, 2002.
11. Саськова Т. В. Пастораль в русской литературе XVIII – первой трети XIX века: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2000.
12. Старыгина Н. Н. «Дачный текст» в повести «Первая любовь» И. С. Тургенева // Вестник Марийского государственного университета. 2015. № 4 (19).
13. Фурман А. А. Репрезентация дачного хронотопа в русской литературе XIX-XXI вв. // Мир в слове. Слово в мире: сборник научных статей / отв. ред. Т. Е. Автухович. Гродно: ЮрСаПринт, 2023. Вып. 4.
14. Riedel I. Farben in Religion, Gesellschaft, Kunst und Psychotherapie. Stuttgart: Kreuz Verlag, 1983.

Информация об авторах | Author information**RU****Анисимова Александра Наумовна**¹, к. филол. н.**Ефремова Юлия Ивановна**², к. филол. н., доц.¹ Московский городской педагогический университет (филиал) в г. Самаре² Самарский государственный экономический университет**EN****Alexandra Naumovna Anisimova**¹, PhD**Yulia Ivanovna Efremova**², PhD¹ Moscow City Pedagogical University, Samara branch² Samara State University of Economics¹ 88763@mail.ru, ² yul-efrem@yandex.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 18.03.2024; опубликовано online (published online): 08.04.2024.

Ключевые слова (keywords): повести И. С. Тургенева; идиллический дискурс; признаки жанровой содержательности идиллии; детали “locus amoenus”; квазиидиллический хронотоп; novellas by Ivan Turgenev; idyllic discourse; features of idyllic genre specificity; details of “locus amoenus”; quasi-idyllic chronotope.